

Однако Лю Сычжу кричал от боли так, что у него охрип голос, и в конце концов потерял сознание. Неужели Лю Сычжу настолько искусно притворяется, чтобы вызвать сочувствие?

Чжао Кэжань хотел спросить Хо Юаня, почему тот ударил так слабо, но 000 передал ему снимок, просвечивающий тело.

После просмотра Чжао Кэжань только воскликнул: «Вот это да!»

— Эти двое явно хотели его убить. Еще пару ударов, и кости Лю Сычжу превратились бы в решето, — заметил 000. — Если эти раны не лечить должным образом, он, скорее всего, останется калекой.

— Он сам этого заслужил, — сердито ответил Чжао Кэжань.

Люди, стоявшие за пределами зала, не видели серьезных ран, но Лю Сычжу продолжал притворяться, громко рыдая, что вызвало всеобщее осуждение.

— Этот чиновник едва его ударил, а он уже кричит от боли. А посмотрите на раны его жены и дочери! Насколько жестоким он должен был быть!

— Ничтожество и подлец! Только слабаки бьют своих близких. В нормальных семьях так не поступают, и мы не потерпим подобной грязи.

— Верно! Кто бьет свою жену, тот не заслуживает уважения. Если уж он такой храбрец, пусть идет драться с длинноволосыми данями или ослиными копытами!

— Если этот недотепа станет солдатом, он не продержится и ночи, прежде чем начнет плакать и проситься домой.

— Чиновник слишком добр. На его месте я бы избил его до полусмерти!

Те, кто ранее поддерживал Лю Сычжу, покраснели от стыда, так как каждый их аргумент был разоблачен. В конце концов они поспешно покинули толпу.

Чжао Кэжань не хотел портить репутацию ямыня, но пока он не нашел подходящего места для академии, подготовительный класс продолжал заниматься в здании управы.

— Отправьте Лю Сычжу в водяную тюрьму в навозной яме в деревне Хэдун, — скомандовал Чжао Кэжань, и Ду Ювэй, получив приказ, немедленно поднял Лю Сычжу. Тюремная повозка уже была готова, и её тянул конь Сяо Цзун.

Сейчас Сяо Цзун хорошо питался и пил воду из духовного источника, благодаря чему вырос до невероятных размеров. Он был настоящим красавцем среди лошадей.

После развода с Лю Сычжу Ван Чуньхуа вернулась к своему девичьему имени. Она осталась в управе, чтобы ухаживать за своей дочерью Да Ню, которая лечилась там.

Чувствуя себя обязанной, Ван Чуньхуа не хотела жить за чужой счет, тем более что Чжао Кэжань был для неё и её дочери настоящим спасителем. После того как она давала Да Ню лекарство, она убиралась в управу и готовила еду.

Чжао Кэжань также научил её готовить блюда из сои, и она быстро освоила новые рецепты, ежедневно удивляя всех своими кулинарными изысками.

— Сестра Чуньхуа, почему бы вам не остаться здесь и не стать поваром в управе? Скоро сюда придет много детей на занятия, и нам понадобится кто-то, кто будет готовить. Если вы останетесь, я заключу с вами контракт и буду платить ежемесячное жалование. Тогда Да Ню тоже сможет ходить в школу, — сказал Чжао Кэжань, поглаживая живот с довольным видом.

Хотя Ван Чуньхуа было всего двадцать два года, и её дочери уже исполнилось шесть, она казалась старше своих лет. Она очень хотела, чтобы её дочь получила образование, но всё же покачала головой.

— Вы уже сделали для нас с дочерью так много, что мы вечно будем вам благодарны. Если вам нужна повариха, я готова работать безвозмездно.

Чжао Кэжань улыбнулся:

— Так нельзя. Если я воспользуюсь вашей добротой, то потом и другим работникам не захочу платить. Раз уж я установил правила, то нужно им следовать. Если вы действительно хотите отблагодарить меня, купите мне, когда заработаете денег, мальтозный сахар. Я обожаю сладкое. Оно поднимает настроение.

Ван Чуньхуа поняла, что Чжао Кэжань заботится о ней. Её глаза наполнились слезами, которые она поспешно вытерла, смущенно улыбнувшись.

— Ах, эти глаза совсем меня не слушаются. Хорошо, когда заработаю, обязательно куплю вам много мальтозного сахара.

Чжао Кэжань не терял времени даром. Услышав, как некоторые поддерживали Лю Сычжу, он решил провести урок морали для жителей Цзиньяна. Вместо того чтобы читать нотации, он попросил 000 найти ему роман о героях.

Так у входа в супермаркет «Хуэйминь» появился чайный ларёк. Чжао Кэжань лично занялся рассказыванием историй.

Мир романа, наполненный героями, мечами и подвигами, захватил жителей Цзиньяна, которые никогда не видели ничего подобного. Многие герои и лидеры кланов были женщинами, и они тоже боролись за звание лидера боевых искусств, что привлекло множество слушательниц.

Идеи справедливости и доброты передавались через увлекательные сюжеты, и вскоре весь Цзиньян был охвачен волной популярности этого романа.

Чжао Кэжань стал знаменитостью, и каждый раз, выходя на улицу, он слышал вопрос:

— Господин, сегодня будете рассказывать «Легенду о героях Цзянху»?

Если он отвечал отказом, люди чуть ли не плакали.

— Господин, сегодня будете рассказывать? — спросил охрипший Ду Ювэй, отчаянно глотая воду из фляги.

Слушателей было так много, что Чжао Кэжань не мог кричать сам. Поэтому он говорил фразу, а Ду Ювэй и несколько охранников повторяли её, чтобы её было слышно дальше.

Чжао Кэжань чувствовал себя как бутерброд между жителями, требовавшими продолжения, и

своими людьми, мечтавшими о перерыве. В любом случае, кто-то обязательно начинал плакать.

Он понимал, что так продолжаться не может, и, подперев голову рукой, долго размышлял. Взглянув на небо, он почувствовал, что стало жарко.

Жарко? Значит, пришло время заставить местные знатные семьи поработать.

Вечером улица Пинлэ была переполнена людьми. Обычно в это время все уже ужинали и готовились ко сну, чтобы сэкономить на масле для ламп.

Но сегодня Чжао Кэжань рассказывал о битве за звание нового лидера боевых искусств, и слушатели горячо спорили, поддерживая своих любимых героев.

— Великий мастер Лу спас семью старика Вана из подпольной мастерской. Он достоин стать новым лидером!

— Что за ерунду ты несёшь! Воительница Чжао — вот кто настоящий лидер! Она спасла столько людей от бандитов и прогнала их! Воительница Чжао!

— Великий мастер Лу!

— Воительница Чжао!

...

Чжао Кэжань подал знак Ду Ювэю ударить в гонг, и толпа мгновенно замолчала. Обычно этот звук означал, что уездный начальник собирается рассказать новую историю.

— Сегодняшняя история подошла к концу, но она вдохновила меня на одну идею. В уездной управе Цзинъяна будут учреждены награды: медаль героя, медаль добродетели, знак честного магазина и десять самых вдохновляющих людей Цзинъяна. Эти награды может получить любой, и мы будем проводить голосование раз в год. Тот, кто наберет больше всего голосов, получит соответствующую награду. Медали будут уникальными символами, которые можно носить на груди, и они будут доступны как мужчинам, так и женщинам.

Кто-то из толпы спросил:

— Господин, это будет как знак лидера боевых искусств?

Чжао Кэжань кивнул:

— Именно.

Вдохновлённые романом и желанием быть похожими на героев, люди загорелись идеей получить медали. Обсуждения продолжались до поздней ночи, а на следующий день все проснулись бодрыми и полными энтузиазма.

У Лю Сычжу ещё будет продолжение, так ему слишком легко отделаться. «Длинноволосые Дани» — это жители Бэйдань. «Ослиные копыта» — это жители Сицзюэ. Жители Да Юаня ненавидят Бэйдань и Сицзюэ. Это их прозвища.